Текст · 24 апреля 2025, 14:43
Елизавета Нестерова,

Почти исповедь. Последнее слово Романа Шпорта, обвиняемого в сотрудничестве с легионом «Свобода России»

Московский городской суд сегодня закончил рассматривать по существу дело 28-летнего Романа Шпорта. Он уже был осужден за то, что расклеивал листовки воюющего на стороне Украины РДК[1]. Следом его обвинили в «конфиденциальном сотрудничестве»[2] с легионом «Свобода России».

Шпорт в суде настаивал, что распространял только материалы РДК и уже отбыл за это срок в колонии-поселении. А от сотрудничества с легионом, которому он успел написать всего два сообщения, отказался, как только узнал о его «экстремистском статусе».

Прокурор Алексей Царев попросил приговорить его к 6 годам колонии, приговор огласят 28 апреля. В последнем слове Шпорт сказал, что это его «возможно, последний шанс быть услышанным», и впервые за время суда открыто выразил свое отношение к российской власти и войне в Украине. «Медиазона» публикует полную расшифровку этой речи.

1. Русский добровольческий корпус.

2. Статья 275.1 УК.

Прошу отнестись к этим словам практически как к исповеди, ибо они более искренны и откровенны, чем во время следствия. Тут я ощущаю себя в большей безопасности, чем в учреждении уголовно-исполнительной системы. Не наблюдаю наркозависимых людей, так называемых ауешников, участников «специальной военной операции», рецидивистов и других опасных для меня лиц.

Это почти исповедь, так как это, возможно, мой последний шанс быть услышанным по делу. У меня есть основания опасаться, что, когда я уеду к северу, северо-востоку, югу, востоку, юго-востоку от Московской области, я не переживу этого.

Опасения у меня оттуда, что мне неоднократно говорили разные и часто не связанные друг с другом люди, так осторожно выражусь: либо я вербуюсь в пророссийские сообщества, в частности связанные с госорганами или военными России, либо ко мне применяют карательную психиатрию. В неволе легко могут найти повод разыграть прецедент, так сказать.

Оба варианта мне неприемлемы. Как минимум это вопреки традиции моей семьи. Жены, детей у меня, к слову, не было и нет. А жизнь и здоровье мне дороги. Да, я и ценю свою независимость, я собой любимый человек. Не признаю моей репрезентации третьими лицами, регентства надо мной и тому подобного.

Среди моих родных и близких не было и нет преступников, сумасшедших, наркозависимых, бюджетников, в частности сотрудников госорганов, людей, владеющих оружием и специальными навыками. Это относится и ко мне и касается

меня включительно. Все образованные, адекватные, ответственные, миролюбивые люди.

Я тоже, но не аполитичен, что видно из того, что я посещал акции Алексея Анатольевича Навального, выступавшего против коррупции и деспотизма, так как мне импонирует христианская демократия, несмотря на то, что я агностик.

Вообще опасными заболеваниями — ВИЧ, сифилис, туберкулез и так далее и тому подобное — я не болею и никогда не болел, что логично предполагать, так как я как минимум гетеросексуальный мужчина. Не болели и не болеют мои близкие и родные.

И хоть мама имеет несколько отличные от моих взгляды, она стала большим поклонником передачи с Владимиром Соловьевым, но это с 2022 года, притом резко и неожиданно. Поэтому я не уверен, что это добровольная, самостоятельная позиция. Я полагаю, что это позиция, навязанная под давлением извне.

Но я точно знаю, она мечтает встретиться с родными из Украины, провести с ними время свободно. Я украинец, я люблю свой народ, поэтому я патриот Украины. И приветствую НАТО и Евросоюз. Они очень сильно помогали украинцам. Я против шовинизма по отношению к Украине и украинцам. Не приемлю геноцид, одно из страшнейших преступлений.

Всю свою жизнь в России со стороны россиян я сталкиваюсь с отношением к украинцам как к людям последнего сорта. Но часто до 2022 года завуалированным. Однако с 2022 года я наблюдаю все

более откровенные проявления и в лишении свободы и под стражей лишь более убеждался в части своих выводов.

Убедился, что это единодушные чувства россиян и сознательная политика властей. Из-за этой завуалированности, то есть фальшивой неоднозначности якобы и тому подобного, я был несколько дезориентирован. И теперь осознаю, я всегда чувствовал себя украинцем. И мое сердце с моим народом. А дом там, где сердце.

Я не русский, я украинец, а это другой — европейский народ, отдельный от России. Все мировые войны, наверное, самые трагичные антропогенные кризисы начинались с вооруженного конфликта в Европе, вне прямой зависимости от иных причин и поводов до вооруженных конфликтов, имеющихся у сторон и участников.

А война — это, если выражаться сдержанно и скромно, нехорошо. Война — угроза безопасности всего мира, а также конституционным строям и власти всех участвующих стран, их народов и всего общества.

По этим всем причинам прежде всего я против так называемой специальной военной операции Российской Федерации. Я не готов за это сидеть и не хочу страдать, но выбора у меня, судя по всему, не остается.

Замечу, что все, что происходит с политзаключенными, — это не результат их действий и решений или бездействия, а результат умышленных усилий, совместных и

взаимосолидарных государства и общества. В этом я очередной раз убедился на собственном опыте.

Тому очередной пример из недавнего. Оперативник учился в рязанском ФСИН-училище, кстати, именно рязанские мне весь срок устраивали провокации. Мои письма волонтерам отобрал, а я просто прошу у волонтеров правозащитника, чтобы он хотя бы согласовывал со мной защиту в суде. Все время провокации, подлянки от рязанских оперативников, зеков из Республики Коми, которые там отбывали, режимников из Калмыкии и многих других личностей.

Попытки изъять, испортить мои дневники, в которых я пишу художественную книгу и данные для Интерпола, постоянные укусы, так называемое дистанцирование меня от любых других политзаключенных.

И все зеки, воспитатели, подсадные говорят, чтобы я отказался от какой-то идеологии, иначе меня продолжат мучить.

А происходит это после того, как они узнают, что я осуждаю военные преступления, в частности изнасилование детей в Буче весной 2022 года.

В России из моих родных только мама, все остальные из Украины. Так что, естественно, я за них переживаю и не могу равнодушно относиться к зверствам, за что меня прессуют. А умолчать о моих взглядах не выйдет, как-то узнают даже в других регионах зеки о моих словах. И даже додумывают сверху.

Разве правильно это все? От моих действий никто не пострадал. Нет потерпевших, нет ущерба. По сути, это четыре сообщения, из которых моих всего два.

Поэтому, если уважаемый суд решит признать меня виновным вдруг, прошу ограничиться не более чем условным сроком.

Я не намерен заниматься противозаконной деятельностью. Прошу обратить внимание на мою характеристику. Там указано, что я неконфликтный. А с моего возвращения в Москву из колонии-поселения номер один по Рязанской области на меня ни разу не был составлен рапорт о нарушении режима правил внутреннего распорядка. Хотя с октября по апрель я находился в СИЗО-3 по городу Москва, где режим строже, чем в колонии-поселении, и соблюдать его сложнее. С той же администрации, где на меня была составлена большая часть рапортов.

В уголовно-исполнительной системе меня ждет только ухудшение, от которого никому не будет лучше. Надеюсь, своей речью я не задел чьи-либо чувства, я лишь старался выразиться ясно и откровенно. Но боль моего народа — это и моя боль. Вот и все.

Со всем добром, Шторм[1].

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Вероятно, ник или прозвище. В суде Роман Шпорт отчетливо произнес «Шторм», но не пояснил, почему использовал такой псевдоним.